

Г.С. Зобин

**МОСКОВСКИЕ АДРЕСА ЗНАКОМЫХ
В.А. ЖУКОВСКОГО – УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ
1812 ГОДА**

Москве В.А. Жуковский был обязан и образованием, полученным в университетском Благородном пансионе, и литературным, и дружеским кругом. В 1797–1811 гг. Жуковский или подолгу жил в Москве, или часто наезжал в нее по издательским делам. В 1812 г., узнав о вторжении Наполеона в Россию, поэт приехал в дом московского генерала-губернатора Ф.В. Ростопчина на Б. Лубянке, 14, где шла запись в ополчение. Жуковский был записан в чине поручика в 1-й пехотный полк Московской военной силы, с которым проделал путь от Хамовнических казарм до Бородина. Во время сражения полк находился в резерве на левом фланге русских войск, затем вместе с ними отступил через Москву и расположился под Тарутиным. Там Жуковский, благодаря участию своего старого друга Андрея Кайсарова, который теперь заведовал походной типографией, был прикомандирован к Главной квартире Кутузова, где редактировал реляции и приказы, а также писал материалы для армейской газеты «Россиянин». К этому времени относится и его великая кантата «Певец во стане русских воинов», сыгравшая огромную роль в победе над неприятелем. Вместе с наступающей армией Жуковский дошел до Вильно, где тяжело заболел и после госпиталя был отправлен в бессрочный отпуск для окончательного излечения, хотя на военной службе числился до декабря 1814 г. – времени роспуска Московского ополчения.

В 1815 г. Жуковский был принят на придворную службу. Сначала он стал чтецом у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, затем учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, а в 1824 г. был назначен наставником цесаревича Александра Николаевича.

С этого времени он жил по преимуществу в Петербурге. За четверть века Жуковский наезжал в Москву пять раз – в 1817–1818, 1831, 1837, 1839 и 1841 гг. Последний его приезд, после выхода в отставку, стал прощанием с любимым городом перед тем, как Жуковский навсегда покинул Россию и, женившись на 19-летней Елизавете Рейтерн, поселился в Германии. Судя по письмам, он мечтал вернуться вместе с семьей и жить в Москве, но этому мешали постоянные недуги.

Круг московских знакомых Жуковского был всегда очень широк и многие из них, подобно ему самому, участвовали в Великой Отечественной войне 1812 года. Так, наезжая в Москву, Жуковский навещал замечательного собирателя древностей и книг Александра Дмитриевича Черткова. Это был один из самых ярких и образованных московских жителей. На военную службу Чертков поступил в 1809 г. в лейб-гвардии Конный полк.

Во время войны с Наполеоном он проявил недюжинную храбрость во многих сражениях – под Дрезденом, Лейпцигом, Кульмом. За отличие в бою под Кульмом Чертков получил орден Св. Анны 4-й степени и знак прусского Железного креста. В 1822 г. он вышел в отставку в чине полковника и отправился в длительное путешествие по Европе. Находясь в Австрии, Швейцарии и Италии, Чертков подолгу занимался там в библиотеках, музеях и частных собраниях, самостоятельно изучая археологию, архитектуру и изобразительное искусство. В 1828 г. Чертков поселился в Москве. Здесь он на протяжении многих лет избирался предводителем дворянства и участвовал в работе нескольких ученых обществ. В 1831 г. Чертков купил дом на Мясницкой, 7. Это роскошное каменное здание было построено во второй половине XVIII столетия по проекту архитектора С. Карина для генерал-майора С.Н. Салтыкова. Огромный сад вокруг усадьбы простирался от Мясницкой до Малой Лубянки. Здесь и разместилось собрание Черткова, поражавшее современников своим богатством и многообразием. Начиналось оно с естественно-научных коллекций. Но позже главным увлечением Александра Дмитриевича стала история России. Он собирал монеты, медали, рукописи, древние акты и грамоты, планы, карты, старопечатные книги. Уникальная библиотека Черткова насчитывала 17 300 книг XVI–XIX вв. на церковно-славянском, русском, немецком, голландском, французском, итальянском и испанском языках. Это было первое книжное собрание, полностью посвященное России. Оно включало в себя сочинения по истории, географии, естествознанию, военному делу, торговле, науке, промышленности, религиоведению, искусству, литературе, а также описания путешествий.

Особую ценность представлял рукописный отдел собрания, в котором находились летописные сборники XIV–XVII столетий. Немало было в этой библиотеке и сочинений современных писателей. Дом Черткова посещали Пушкин, Даль, Вяземский. Свои книги с автографами подарил ему и Жуковский.

В декабре 1837 г. поэт побывал у знаменитого полководца Отечественной войны генерала Алексея Петровича Ермолова. Слава пришла к нему в Бородинском сражении. Тогда он, начальник Главного штаба 1-й Западной армии, сам повел в контратаку солдат 3-го Уфимского пехотного и 18-го егерского полков и отбил у неприятеля батарею Раевского на Курганной высоте. В «Певце во стане русских воинов» Жуковский восславил его такими стихами:

Хвала сподвижникам – вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.

Позже Ермолов был главнокомандующим на Кавказе, где прославился своим умением принимать самостоятельные решения, исходя из знания жизни и характера горцев, а также тем, что благоволил свободомыслящим. В Грузии при нем служили А.С. Грибоедов и В.К. Кюхельбекер.

Блестящий военачальник, Ермолов был человеком необычайно разносторонним и образованным. В Москве он собрал библиотеку, насчитывавшую 9 тыс. томов, которую в 1855 г. почти полностью передал Московскому университету. О своей жизни Ермолов оставил интереснейшие «Записки. 1798–1826 гг.».

Кроме того, он с изумительным искусством переплетал книги и даже написал руководство по переплетному делу.

Жуковский подарил Ермолову второй том своих «Стихотворений» 1835 г. издания. На титульном листе он сделал такую надпись: «Его превосходительству Алексею Петровичу Ермолову от автора на память глубокого почтения. Москва. 1837, декабря 10». На обороте листа поэт написал четверостишие, посвященное генералу, где упомянул и о его увлечениях:

Жизнь чудная его в потомство перейдет:
Делами славными она бессмертно дышит.
Захочет – о себе как Тацит, он напишет
И лихо летопись свою переплетет.

Жил тогда Ермолов в недавно купленном им доме, построенном известным московским архитектором А.Г. Григорьевым, на Пречистенском

(ныне Гоголевском) бульваре, 15. Сегодня сохранилась правая часть этого здания.

По соседству с Ермоловым жил другой герой 1812 года – генерал Михаил Федорович Орлов. Его Жуковский навещал в сентябре 1839 г., когда приезжал в Москву на Бородинский праздник. В 1805 г., будучи еще совсем молодым, Орлов участвовал в знаменитой атаке кавалергардов при Аустерлице, был награжден за храбрость и горько плакал, узнав о поражении русских войск. Затем, достойно проявив себя в 1812 г. и в заграничных походах, Орлов принимал капитуляцию Парижа. Упомянут он и в «Певце во стане русских воинов» – «Орлов отважностью орел». С Жуковским они дружили давно – еще со времен «Арзамаса», где генерал носил прозвище «Рейн». Орлов был неукоснительным сторонником реформ. Командуя в Молдавии 16-й пехотной дивизией, он всячески заботился о смягчении условий жизни солдат, нещадно карая при этом грубых и жестоких офицеров. Организовал Орлов и «ланкастерские школы» для взаимного обучения «нижних чинов». Одним из первых, в 1815 г. он подал Александру I записку об отмене крепостного права. Его перу принадлежит книга «О государственном кредите». Женат Орлов был на дочери другого героя 1812 года – легендарного генерала Н.Н. Раевского – Екатерине Николаевне. Один из основателей Союза благоденствия, он был арестован по делу декабристов. От Сибири его спасло только заступничество брата, А.Ф. Орлова, командира кавалергардов, который 14 декабря сохранил верность Николаю I и принял участие в подавлении восстания. Полгода Орлов провел в крепости, а затем был выслан в свое имение под надзор полиции. В 1831 г. ему разрешили поселиться в Москве. Приложение сил Орлов нашел в заботе о Художественном классе. К занятиям в нем он привлек В.А. Тропинина, жертвовал деньги на его нужды. Уже после смерти Орлова класс был преобразован в Московское училище живописи и ваяния.

Последние годы Орлов прожил в доме на Пречистенке, 10, где его и посетил Жуковский. Дом этот, включающий в себя палаты XVII века, сохранился и в наши дни.

Двое из знакомых Жуковскому участников наполеоновских войн, которых он посещал в Москве, жили на Тверской. Одним из них был граф Василий Дмитриевич Олсуфьев. Жуковский знал его по Петербургу и вместе с ним путешествовал по Европе. Участник заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., Олсуфьев служил в Ахтырском гусарском полку под командованием Дениса Давыдова. Затем он перешел в лейб-гвардии Гусарский полк, где его сослуживцами были П.Я. Чаадаев

и П.П. Каверин. Полк стоял в Царском Селе. Олсуфьев часто общался с юным Пушкиным, в числе других лицеистов принимавшим участие в дружеских полковых пирушках.

В 1838–1840 гг. граф Олсуфьев занимал пост московского гражданско-го губернатора. Его усадьба на Тверской находилась на месте нынешнего дома № 15, между Леонтьевским и Большим Гнездниковским переулками. В доме Олсуфьева бывали Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, М.П. Погодин, долгое время в нем жил писатель Антоний Погорельский (псевдоним А.А. Перовского), автор знаменитой сказки «Черная курица», написанной им для своего любимого племянника Алеши, будущего поэта А.К. Толстого. В 1835 г. у Погорельского останавливался в этом доме К.П. Брюллов, кисти которого принадлежит прекрасный портрет Жуковского, а в 1836 г. гостил Пушкин, последний раз в жизни посетивший Москву.

Столетие спустя, в конце 1930-х, на месте дома Олсуфьева в ходе реконструкции Тверской (тогда улицы Горького) было построено монументальное здание по проекту архитектора А.Г. Мордвинова. Одну из квартир в этом доме получил А.Т. Твардовский. В годы войны, приезжая в Москву с фронта, он работал здесь над «Василием Теркиным», книгой, ставшей столь же судьбоносной, что и «Певец во стане русских воинов» в 1812 г.

По соседству с Олсуфьевым жил другой знакомец Жуковского – московский губернский предводитель дворянства граф Андрей Иванович Гудович. Он приходился сыном знаменитому екатерининскому вельможе генерал-фельдмаршалу Ивану Васильевичу Гудовичу, прославившемуся и своими военными победами, и тем, что, когда он находился на посту рязанского и тамбовского наместника, с ним постоянно ссорился его строптивый подчиненный – горячий и беспокойный правдолюбец, непримиримый враг нечистых на руку подьячих, губернатор Тамбова Гаврила Романович Державин. В 1809–1812 гг. И.В. Гудович был московским главнокомандующим. Сына, еще в двухлетнем возрасте, он записал сержантом в лейб-гвардию. В двадцать лет Андрей Иванович уже имел чин полковника. Отличился он и при Аустерлице, и в русско-шведской войне 1808–1809 гг., где командовал уланским полком. Служивший под его началом Ф.В. Булгарин вспоминал о нем: «Граф получил высокое образование, любил литературу и все изящное; с офицерами обходился он чрезвычайно вежливо... и вместе с любовью внушал к себе уважение»¹.

В войну 1812 года А.И. Гудович командовал кирасирским полком, прекрасно проявил себя в сражении при Шевардине, был тяжело ранен, награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и произведен в генерал-май-

оры. Позже, излечившись от ранения, участвовал в заграничном походе русской армии, в битвах при Бауцене и Лейпциге. В 1816 г. был уволен в отставку из-за ранений.

Жуковский несколько раз бывал у него в гостях. Дом А.И. Гудовича сохранился и в наши дни. Он расположен на углу Брюсова переулка, 21 и Тверской. Любопытно, что в этом доме в 1790-е годы Карамзин жил у своих друзей Плещеевых.

Навещал Жуковский и знаменитого Ф. И. Толстого «Американца», который, продав свой дом в Калошином переулке, обитал в гостинице «Дрезден» на Тверской, стоявшей на месте нынешнего дома № 8.

Приезжая в Москву, Жуковский несколько раз навещал и «басманного философа» Петра Яковлевича Чаадаева. С юных лет полубивший мыслить и читать, получивший прекрасное домашнее образование и затем окончивший Московский университет, в 1811 г. Чаадаев определился на службу в Семеновский полк. Когда в августе 1812 г. Пушкин вместе с другими лицеистами провожал гвардейские полки к Бородину, он не знал, что в их рядах идет его будущий старший друг. Вместе со своим полком Чаадаев прошел путь от Бородина до Парижа. Один из знавших его вспоминал: «Храбрый, обстрелянный офицер, испытанный в трех испанских походах, безукоризненно благородный, честный и любезный в частных отношениях, он не имел причины не пользоваться глубоким, безусловным уважением и привязанностью товарищей и начальства»².

В Париже Чаадаев перевелся из Семеновского в Ахтырский гусарский полк, а в 1816 г. перешел в лейб-гвардии Гусарский полк, откуда вышел в отставку в 1821 г. в звании ротмистра. Уехав за границу в 1823 г., он вернулся в 1826 г. и окончательно поселился в Москве. С 1831 г. и до самой смерти своей четверть века Чаадаев прожил во флигеле усадьбы Левашовых на Новой Басманной, 20. Человек очень консервативный в своем быту, он не любил менять ни привычек, ни места жительства. Он даже ни разу не выехал из своего флигеля, так что там невозможно было сделать ремонт, покрасить стены и полы и поправить печи. В 1851 г. Чаадаев писал Жуковскому в Германию: «Вы, вероятно, помните, что оставили меня, тому, кажется, десять лет назад, в доме, который тогда разрушался от ветхости и, по словам вашим, держался не столбами, а одним только духом. С тех пор продолжает он спокойно разрушаться и страшать меня и моих посетителей своим косым видом». Чаадаев обостренно чувствовал, насколько Жуковский незаменим в жизни Отечества. В письме поэту он писал: «Приезжайте к нам пожить да нас поучить. Зажились Вы в чужой глуши; право, грех. <...> Не поверите, как мы избаловались с тех пор,

как живем без пестунов. Безначалье губит нас. <...> Худо детям жить без дядьки»³.

Побывал Жуковский в гостях и у бывшего командира Мамоновского казачьего полка, входившего в состав Московского ополчения, князя Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского. О том, как этот полк создавался, вспоминал записавшийся в него П.А. Вяземский: «...Когда положено было образовать народное ополчение, гр[аф] Мамонов подал чрез гр[афа] Ростопчина государю письмо, в котором он всеподданнейше предлагал вносить, во все время войны, на военные издержки весь свой доход, оставляя себе 10000 руб[лей] ежегодно на прожитие. <...> Государь, приказав поблагодарить графа за усердие его и значительное пожертвование, признал полезнее предложить ему составить конный полк. Так и было сделано. <...> Вызвал он из деревень своих несколько сот крестьян, начал вербовать за деньги охотников, всех их обмундировал, посадил на коней, вооружил исправно, и скоро полк начал приходить в надлежащее устройство. <...> Мамонов, хотя и в молодых годах, был тогда обер-прокурором в одном из московских департаментов Сената. Военное дело ему было совершенно неизвестно. Он надел генеральский мундир, но чувствуя, что одного мундира не довольно для устройства дела, предложил место полкового командира князю Четвертинскому – тогда в отставке, но известному блестящему кавалерийскому офицеру в прежних войнах. За ним последовали многие молодые люди, в том числе и я»⁴.

Эскадроны Мамоновского полка участвовали в Тарутинском сражении, в заграничном походе, в битвах у Кацбаха и Дрездена. Полк дошел до парижского предместья Форлуи, где был расформирован в 1814 г. Именно в него в «Войне и мире» Лев Толстой «определил» юного Петю Ростова.

После войны князь Святополк-Четвертинский в чине обер-шталмейстера долгие годы управлял Московским конюшенным двором. Двор занимал то место между Волхонкой, Малым Знаменским и Колымажным переулками, где сегодня расположен Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Князь Святополк-Четвертинский жил рядом, в доме № 7 по Малому Знаменскому переулку. Дом этот, стоявший во дворе, был построен в середине XVIII столетия на основе более древнего здания. По некоторым предположениям, проектировал его В.И. Баженов для книжных складов Н.И. Новикова. В начале XIX в. дом купила казна, чтобы поселить в нем управляющего Московским конюшенным двором. В 1865 г., после смерти Б.А. Святополк-Четвертинского, Александр II пожаловал дом в постоянное владение вдове обер-шталмей-

стера. Сегодня это здание, к сожалению, не сохранилось, на его месте стоит новодел.

Совсем рядом, в Малом Знаменском переулке, находится другой дом – дом № 5, где в молодости Жуковский провел столько прекрасных часов в беседах с Н.М. Карамзиным и его юным шурином П.А. Вяземским.

В августе 1812 г. Вяземский записался в Мамоновский казачий полк и направился к Бородину следом за Жуковским. Встретиться там двум поэтам не довелось. Вяземский находился в адъютантах при генерале М.А. Милорадовиче. В своих воспоминаниях он рассказывал о курьезном эпизоде, произошедшем с ним: «Мой казацкий мундир Мамоновского полка, впрочем, не совсем казацкий, был неизвестен в армии. Он состоял из синего чекменя с голубыми обшлагами. На голове был большой кивер с высоким султаном, обтянутый медвежьим мехом. Не умею сказать, на какой, но были мы с Милорадовичем на батарее, действовавшей в полном разгаре. Тут подъехал ко мне незнакомый офицер и сказал, что кивер мой может сыграть надо мной плохую шутку. „Сейчас, – продолжал он, – остановил я летевшего на Вас казака, который говорил мне: «Посмотрите, Ваше Благородие, куда врзался проклятый француз!»“ Поблагодарил я незнакомца за доброе предостережение, но сказал, что нельзя же мне бросить кивер и разъезжать с обнаженной головой. Тут вмешался в наш разговор молодой Петр Петрович Валуев, блестящий кавалергардский офицер, и, узнав, в чем мое дело, любезно предложил мне фуражку, которая была у него в запасе. Кивер мой был сброшен и остался на поле сражения. Может быть, после попал он число принадлежностей убитых и в общий их итог внес свою единицу»⁵.

На Бородинском поле Вяземский держался очень храбро. Под ним были убиты две лошади, и сам он только чудом не пострадал. Довелось ему вынести из боя раненого генерала Бахметева, о чем он также рассказывал в своих воспоминаниях: «Милорадович ввел в дело дивизию Алексея Николаевича Бахметева, находившуюся под его командою. Под Бахметевым была убита лошадь. Он сел на другую. Спустя несколько времени, ядро раздробило ему ногу. Мы остановились. Ядро, упав на землю, зашипело, завертелось, взвилось и разорвало мою лошадь. Я остался при Бахметеве.

С трудом уложили мы его на мой плащ и с несколькими рядовыми понесли его подальше от огня. Но и тут, путем, сопровождали нас ядра, которые падали направо и налево, пред нами и позади нас. Жестоко страдая от раны, генерал изъявил желание, чтобы меткое ядро окончательно добило его. Но мы благополучно донесли его до места перевязки»⁶.

Получив после Бородинского сражения отпуск, он перевез беременную жену из Ярославля в Вологду и намеревался сразу же вернуться в действующую армию. Но Милорадович в письме поблагодарил Вяземского за службу и сообщил, что не нуждается более в его услугах. Отправленный в отставку Вяземский в начале 1813 г. вместе с женой Верой Федоровной (урожденной Гагариной) и сыном-младенцем Андреем вернулся из Вологды в разоренную Москву. К счастью, уцелел одноэтажный деревянный дом, принадлежавший отчиму Веры Федоровны Кологривову. Дом этот находился на улице Старая Живодерка (ныне ул. Красина), близ Пресненских прудов (до наших дней не сохранился). В нем Вяземские и поселились. А в 1821 г. семья переехала в свой собственный особняк в Чернышевском (ныне Вознесенском) переулке, 9. Дом этот стоит и сегодня. Жуковский, приезжая в Москву, постоянно бывал у Вяземских.

Адъютантом Милорадовича в 1812 г. был и другой русский поэт – Федор Глинка. Окончив 1-й кадетский корпус в Петербурге, он девятнадцати лет от роду принял участие в кампании 1805–1806 гг. Побывал Глинка и на Отечественной войне 1812 года, и в заграничном походе. Все это время он вел дневник, который позже был издан под названием «Письма русского офицера» и стал бесценным документом по истории наполеоновских войн.

В 1835 г. Глинка поселился в Москве в собственном доме на Садовой-Спасской, 7 (не сохранился). Он дружил с М.Ф. Орловым и П. Я. Чадаевым, жившим неподалеку от него. В доме своем Глинка устраивал по понедельникам литературные вечера. Как поэт, он испытал огромное влияние Жуковского.

Дом Глинки Жуковский посетил 15 февраля 1841 г., в свой последний приезд в Москву. Но еще до этого, 21 января, на торжественном обеде, данном А.Д. Чертковым в честь Жуковского, Глинка прочитал посвященные ему стихи:

Собирайтесь, поэты!
Стройте лиры и сердца,
Сыпьте розы и куплеты
На любимого Певца:
На Певца, что в шуме битвы
Год великий наш воспел,
Год страданий, год молитвы,
Год заветных русских дел.

Имя Певца 1812 года было свято и для русских поэтов, и для «русских воинов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М., 2001. С. 782.

² *Жихарев М.И.* П.Я. Чаадаев: Из воспоминаний современника // Вестн. Европы. 1871. Июль. С. 189.

³ *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М., 1989. С. 345–347.

⁴ *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе. // *Соломонов В., Грибкова Е.* 1812 год: Битва двух империй. М., 2012. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 180.

⁶ Там же. С. 181.